

О

СОВРЕМЕННЫХЪ НАМЪ НУЖДАХЪ

И

ЗАДАЧАХЪ

РУССКАГО ЦЕРКОВНАГО ПЪНІЯ.

 И. ВОЗНЕСЕНСКІЙ.

РИГА.

Типографія Л. Бланкенштейна. Ткацкая ул. № 13.

—
1891.

Печатать дозволяется 29 Августа 1891 года. — г. Рига.

Цензоръ, Каѳедраальный Протоіерей В. Князевъ.

Отдѣльный оттискъ изъ Рижскихъ Епарх. Вѣдомостей за 1891 г.

О современных намъ нуждахъ и задачахъ русскаго церковнаго пѣнія.

По поводу утвержденія Святѣйшимъ Синодомъ устава „Общества Любителей православнаго церковнаго пѣнія въ г. Ригѣ“ (Церк. Вѣд. 1891 г. № 29, стр. 970).

Мелодія есть душа всякаго пѣнія и музыки, гармонія же есть только одно изъ средствъ къ ея истолкованію и украшенію. Коренное наше русское церковное пѣніе есть по преимуществу *мелодическое* и составляетъ прямую отрасль мелодическаго же пѣнія Церкви Греко-Восточной.

Между тѣмъ въ современной намъ церковно-пѣвческой практикѣ ^{полифоническое} (многоголосное) пѣніе достаточно развито, научно обосновано, а затѣмъ снабжено и всякаго рода средствами къ продолженію своего существованія и усовершенствованію, основное же наше *церковно-мелодическое* пѣніе не находится на высотѣ совершенства и какъ бы оставлено нами въ пренебреженіи. Мы не вникаемъ въ него научно, чтобы узнать его музыкальнныя основанія, формы и красоты, не стараемся продолжить его творчество, или по крайней мѣрѣ выдѣлить въ немъ истинно художественныя произведенія изъ посредственныхъ и уяснить ихъ достоинства; не стремимся усовершеншить его и въ исполненіи путемъ пѣвчески-практическимъ.

Чтобы нашему церковно-мелодическому пѣнію имѣть твердыя основы и быть истинно церковнымъ пѣніемъ, т. е. правильнымъ, сознательнымъ, художественнымъ, для этого ему, по мнѣнію русскихъ и иностранныхъ знатоковъ дѣла (п. Безсонова, прот. Разумовскаго, Бургó-Дюкудрé, Де-Кастро) въ частности не достаётъ: 1) достаточно разработанной мелодической теоріи или музыкальной грамматики; 2) достаточной полноты и критическаго подбора художественныхъ напѣвовъ, кругъ которыхъ съ

теченіемъ времени все болѣе и болѣе сѣуживается и даже вытѣсняется напѣвами краткосложенными; 3) ему недостаетъ наконецъ надлежащей художественности исполненія. Вотъ три важные пробѣла въ нашемъ церковномъ пѣніи, которые предстоитъ восполнить современному намъ поколѣнію знатоковъ и любителей церковнаго пѣнія.

Дѣйствительно во всѣхъ этихъ отношеніяхъ наше церковное пѣніе отстало не только отъ современнаго намъ церковнаго же пѣнія прочихъ европейскихъ народовъ, но и отъ древняго и новаго пѣнія восточныхъ церквей и даже отъ русскаго же мелодическаго пѣнія XVII вѣка. Именно:

Въ Греческой Церкви съ самыхъ древнихъ временъ мы видимъ, сверхъ нотныхъ богослужебныхъ книгъ, цѣлый рядъ *теоретическихкихъ* и *методическихкихъ* руководствъ, частію напечатанныхъ, или же сохраняющихся въ рукописяхъ, только на языкѣ греческомъ, частію переведенныхъ на европейскіе языки (особенно на латинскій), *) каковыя руководства касаются не чтенія только нотныхъ знаковъ, но и музыкальныхъ основаній пѣнія, и состава мелодій и способовъ выразительности, и ритма, и украшеній. Начало такихъ руководствъ восходитъ еще ко временамъ св. Іоанна Златоустаго (IV в.), св. Іоанна Дамаскина (VIII в.), Іоанна Кукузеля (XIV в.). Затѣмъ всѣ европейскіе наши сосѣди на прим., нѣмцы, французы, голландцы, испанцы, итальянцы и др. имѣютъ развитыя теоріи своего храмоваго пѣнія, которыми пользовались иногда и наши церковные композиторы. **) Далѣе, не довольствуясь этимъ, западные наши сосѣди изслѣдуютъ, перерабатываютъ древнія и новыя теоріи а равно и напѣвы грековъ, какъ первотипы христіанскаго пѣнія. Таковы, на прим., г. Рандхартингеръ въ Вѣнѣ, Бурго-Дюкудрэ въ Парижѣ. и др. Они дѣлаютъ опыты приведенія въ извѣстность и разработки даже на

*) Перечень этихъ сочиненій можно видѣть у Архим. Порфирія Успенскаго въ „Приложеніяхъ“ ко 2-му отд. II части „Перваго его путешествія въ Аѳон. монастыри и скиты,“ стр. 84—87; а также у Герберта „Scriptores ecclesiastici de musica sacra“.

**) Такъ напѣ Н. И. Глинка въ Берлинѣ подъ руководствомъ Дена изучалъ теорію церковной музыки съ образцами изъ Палестрины и Орlando Лассо. „Церк. пѣніе въ Россіи,“ прот. Д. Разумовскаго, М. 1868 г., стр. 246.

шего греко-славянскаго церковнаго пѣнія (Корнеліо Станковичъ въ Вѣнѣ, Де-Кастро въ Римѣ). Мы же, получившіе свое пѣніе частью отъ южныхъ славянъ, частью непосредственно отъ грековъ, не только не разработали его теоретически, но даже не имѣемъ понятія ни о ихъ подлинныхъ напѣвахъ, ни о ихъ теоріи и музыкальныхъ знакахъ... Въ самомъ отечествѣ нашемъ въ XVII вѣкѣ еще были нѣкоторыя руководства къ изученію церковно-русскаго пѣнія, которыя, въ видѣ объясненій крюковыхъ знаковъ (наприм. азбука А. Мезенца) или элементарной теоріи гармоніи (грамматика Тихона Макарьевскаго), знакомили нашихъ пѣвцовъ съ первоначальными теоретическими основаніями и церковно-мелодическаго пѣнія. Но затѣмъ съ XVIII вѣка и эти руководства преданы забвенію; новыми же они не замѣнены, а лишь дополнены разными руководствами по гармоніи и музыкальной композиціи западно-европейскаго стиля, вовсе не касающимися мелодіи (таковы нынѣ руководства: Арнольда, Кашкина, Чайковскаго и др.). Так. обр. теорія нашего собственно мелодическаго церковнаго пѣнія засохла при пусканіи перваго ростка и не возраждалась донинѣ. „Пѣніе Русской Церкви,—по словамъ глубокаго знатока его, о прот. Д. В. Разумовскаго, — *досель еще не имѣетъ своей грамматики*“ *).

Затѣмъ, церковно-музыкальное творчество западныхъ народовъ, а также и грековъ и придунайскихъ славянъ, не переставало развиваться донинѣ и пополняться *новыми мелодіями въ связи съ прежними ихъ напѣвами* и вмѣстѣ держаться на высотѣ, сообразно степени развитія музыкальной науки и современнаго музыкальнаго вкуса. Наше же мелодическое творчество, въ связи съ древними нашими мелодическими распѣвами, болѣе не продолжается. Наши распѣвы окончательно сформировавшіеся въ Россіи въ XVII вѣкѣ (знаменный или столповой, кіевскій, болгарскій, греческій) не только не продолжаютъ развиваться и восполняться новыми произведеніями въ томъ же направленіи,

*) „Церк. пѣніе въ Россіи“, стр. 43. Примѣчаніе. См. еще De Castro „Methodus cantus ecclesiastici Graeco-Slavici“. Romae. 1881. Prologus. p. XVII; а также Bourgault-Ducoudray: „Etudes sur la musique ecclesiastique Grecque“. Paris 1877. C. IV.

духѣ и стилѣ, но даже въ большинствѣ своихъ готовыхъ мелодій, сохраняясь въ нашихъ нотныхъ книгахъ какъ мертвый матеріаль, въ практикѣ остаются безъ употребленія, или же сокращаются и ухудшаются въ своемъ музыкальномъ содержаніи и замѣняются иными менѣе достойными напѣвами. Отъ того кругъ древняго мелодическаго пѣнія въ наше время сократился до послѣдней крайности. А при такомъ положеніи дѣла невозможны: ни ихъ классификація, ни художественный подборъ, ни эстетическая критика. Мы не слышимъ ихъ, а потому не знаемъ, не цѣнимъ ихъ достоинствъ, не можемъ и судить о нихъ.

Наконецъ европейскіе наши сосѣди, а также греки, придунайскіе славяне и даже евреи, храня древнее преданіе, сверхъ пѣвческихъ хоровъ, имѣютъ и особыхъ искусныхъ мелодическихъ пѣвцовъ,—канторовъ, протонсалтовъ, кацановъ,—могущихъ поддерживать храмовое ихъ мелодическое пѣніе на надлежащей ему высотѣ; мы же имѣемъ мелодистами лишь *чтецовъ*, по обстоятельствамъ недавно протекшаго времени, почти самоучекъ въ пѣніи и потому сомнительныхъ мастеровъ его, а также хоры пѣвцовъ, правда благоустроенные, но иногда соблазняющіе своимъ западнымъ и свѣтскимъ направленіемъ въ пѣніи не только нашихъ старообрядцевъ, но и грековъ (наприм., Смирнскихъ).

Печальные результаты такого положенія дѣла очевидны. Это,—въ техническомъ отношеніи,—односторонность нашей нынѣшней церковно-вокальной музыки, именно: господство второстепеннаго въ ней, при томъ одного только вида гармоническаго элемента надъ главнымъ,—мелодією и унадокъ отдѣльнаго отъ гармоніи мелодическаго пѣнія. Несоразмѣрность и ненормальныя отношенія этихъ двухъ элементовъ обнаруживаются съ одной стороны часто музыкальною безсодержательностію напѣвовъ, окрашенныхъ гармонією, иногда погоней за мотивами и приемами пѣнія чуждыми русской церковности и народности, иногда громоздкостію звуковъ, заглушающею слова пѣснопѣній; вообще же недостаткомъ въ пѣніи или даже и полнымъ отсутствіемъ одушевляющей музыки и слово мелодіи. Съ церковно-археологической и художественной стороны,—это—изъятіе изъ употребленія большей части нашихъ коренныхъ древнихъ, иногда по

истинѣ художественныхъ напѣвовъ, отсутствіе разумѣнія употребительныхъ еще изъ нихъ, иногда до забвенія ихъ названій, утрата ихъ красотъ, способовъ и приѣмовъ исполненія, наконецъ произвольное съ ними обращеніе по личному вкусу каждаго, или же вѣянію случайныхъ вліяній; образованіе же вмѣсто ихъ напѣвовъ чуждыхъ художественнаго склада, речитативныхъ, бѣглыхъ, или даже превращеніе искусства въ ремесло низкаго достоинства. Въ слѣдствіе же всего этого наше мелодическое церковное пѣніе, нѣкогда поражавшее своею художественностью, какъ *ангельское* пѣніе, нынѣ, предъ судомъ сравнительно развитаго эстетически музыкальнаго вкуса, оказывается неудовлетворительнымъ, не можетъ конкурировать съ церковнымъ пѣніемъ иныхъ странъ и легко уступаетъ наплыву звпадно-европейскихъ и даже мірскихъ композицій, подкрѣпляемыхъ научною теоріею и дѣйствительнымъ искусствомъ исполненія.

Не будемъ искать виновниковъ такого печальнаго положенія церковно-мелодическаго искусства въ послѣдніе два вѣка въ нашемъ отечествѣ. Ихъ въ дѣйствительности нѣтъ. Историческій ходъ событій и обстоятельства даннаго времени способны съюзить и привести къ той или другой крайности самыя широкія цѣли и самыя благія намѣренія предпринимателей, пока конечные результаты и критическій ихъ анализъ не возбудятъ реакціи и не укажутъ путей къ болѣе или менѣе благополучному исходу. Заимствуя въ XVIII вѣкѣ изъ западной европы много полезнаго для себя въ гражданской жизни, мы просто „пересолили“, подчинивъ ея вліянію и наше церковное восточнаго происхожденія пѣніе и наконецъ въ большинствѣ пѣснопѣній замѣнили его западнымъ. А сдѣлали мы это по увлеченію западничествомъ вообще и проникновенію въ Россію, съ ея преобразованіями, свѣтской музыки въ частности, по недостатку музыкальныхъ учреждений въ молодой еще тогда относительно развитія наукъ Россіи и особенно по недостатку въ ней науки музыкальной (теоріи и исторіи), наконецъ по неразвитости въ обществѣ истинно-музыкальнаго вкуса, шаткости мнѣній и по многимъ другимъ, не зависящимъ отъ кого либо лично, историческимъ, этнографическимъ и даже топографическимъ обстоятельствамъ.

Въ настоящее время, съ достаточнымъ уже развитіемъ научнаго и музыкальнаго образованія въ Россіи, съ постепеннымъ склоненіемъ общественной мысли и жизни къ кореннымъ русскимъ началамъ, естественно обращено вниманіе и на коренныя начала русскаго народнаго и церковнаго пѣнія, а именно: на ихъ научную разработку, очищеніе и возстановленіе согласно ихъ первоисточникамъ. Какія же задачи по церковному пѣнію подлежатъ въ настоящее время? Что сдѣлано въ этомъ отношеніи по нынѣ и что слѣдуетъ продолжить современнымъ дѣятелямъ? Наконецъ, какими путями и способами задачи эти возможны къ рѣшенію? Объ этомъ и считаю особенно приличнымъ побесѣдовать при настоящемъ случаѣ.

Возстановленіе церковнаго пѣнія въ надлежащей ему широтѣ, достоинствѣ и чистотѣ, какъ въ мелодическомъ, такъ и въ гармоническомъ его видѣ, охраненіе цѣлости духа и строя древнихъ церковныхъ напѣвовъ, огражденіе церковнаго искусства отъ несообразныхъ съ нимъ чуждыхъ вторженій, а равно и отъ произвола безцеремонныхъ, но не компетентныхъ композиторовъ и пѣвцовъ, уясненіе техническаго устройства, ритма и красотъ нашихъ распѣвовъ, надлежащая ихъ классификація и наконецъ надлежащее художественное ихъ исполненіе, — вотъ цѣли, къ которымъ должна направляться дѣятельность современныхъ намъ трудолюбцевъ по церковному пѣнію. Цѣли эти не могутъ быть достигнуты лишь одними административными мѣрами Правительства, — указаціями или запрещеніями, или даже исправленіемъ и печатаніемъ нотныхъ книгъ. Ибо привычка къ старому, произволъ, а иногда и практической расчётъ способны отвергнуть или исказить и напечатанное въ книгахъ и снова расположить исполнителей пѣнія коснѣть въ рутинѣ устныхъ преданій или же подчиняться всякаго рода случайнымъ вліяніямъ. Возстановить и возвысить церковное пѣніе могутъ только примененныя къ нему въ извѣстной мѣрѣ и распространеныя въ интеллигентныхъ слояхъ общества и въ массѣ исполнителей пѣнія *наука* и *искусство*. Только наука можетъ сдѣлать пѣніе разумнымъ служеніемъ Богу, уяснить неисчетное богатство его музыкальнаго содержанія, расширить сѣзвившійся его кругъ, крити-

чески отдѣлить художественныя и вообще достойныя произведенія отъ посредственныхъ и недостойныхъ, коренныя отъ вносныхъ, разъяснить ихъ техническій составъ и художественныя стороны, исправить неправильное, улучшить несовершенное. Искусство должно принять на себя практическое примѣненіе выработанныхъ наукою началъ, способовъ и приѣмовъ къ художественному исполненію напѣвовъ. Только наука и искусство въ соединеніи могутъ вообще возстановить и возвысить достоинство церковнаго пѣнія, сообщить ему опредѣленный характеръ и чрезъ то устойчивость въ борьбѣ съ рутиной, произволомъ и чуждыми духу нашей церковности внѣшними вліяніями. Только наука и искусство, проникнувъ въ болѣе отзывчивыя къ общественнымъ нравственнымъ интересамъ и болѣе вліятельныя слои общества, могутъ расположить и направить общественныя силы къ разностороннему, но вмѣстѣ совокупно — дружному дѣйствованію въ интересахъ возвышенія и улучшенія нашего церковнаго пѣнія; только они могутъ возбудить и въ отдѣльныхъ лицахъ воодушевленную преданность и любовь къ этому предмету, — качества столь необходимыя для успѣха во всякомъ дѣлѣ, а тѣмъ болѣе въ искусствѣ.

Что въ частности сдѣлано по настоящее время и что остается сдѣлать въ вышесказанномъ направленіи по теоріи, исторіи и практикѣ нашего церковнаго пѣнія?

І. Теорія и исторія.

Трудами передовыхъ нашихъ дѣятелей текущаго вѣка *), особенно за послѣднія три его десятилѣтія нѣкоторые вопіющіе недостатки нашего церковнаго пѣнія устранены, нѣкоторые пробѣлы пополнены. Главною заботою этихъ дѣятелей было: выяснить общій характеръ нашихъ древнихъ церковныхъ напѣвовъ, частію техническое устройство гласовъ и особенно лежащую въ ихъ основѣ діатоническую гамму, освободить гармонизацію древнихъ напѣвовъ отъ несвойственнаго имъ западно-европейскаго

*) Въ числѣ ихъ упомянемъ: Митрополита Евгенія, А. О. Львова, Н. И. Глинку, кн. О. О. Одоевскаго, прот. Д. В. Разумовскаго. Н. М. Потулова П. А. Безсонова, Ю. Арнольда, Д. Н. Соловьева и С. В. Смоленскаго.

хроматизма и квадратнаго симметрическаго ритма, очертить главные пункты исторіи церковнаго пѣнія, возстановить мелодіи древнѣйшаго изъ роспѣвовъ *столмоваго* или знаменнаго въ болѣе исправной редакціи. Но это еще далеко не исчерпываетъ предметъ. Еще болѣе обширное поле предлежитъ будущимъ трудолюбцамъ по церковному пѣнію. Въ нашей церковно-пѣвческой литературѣ не подлежали еще подробному техническому изслѣдованію и исправленію прочіе древніе роспѣвы русской церкви. *Кіевскій, Болгарскій и Греческій*; въ ней еще не затронутъ мелодическій узоръ ихъ, т. е. свойства мелодическаго движенія и его измѣненій; не рассмотрѣны и не опредѣлены ихъ общія формы, т. е. составъ и отношенія ихъ членовъ; не уяснено соотношеніе напѣвовъ и ихъ частей къ поемому тексту, т. е. ритмъ пѣснопѣній. *) А безъ этихъ познаній мы не только не можемъ проникнуть въ духъ древняго творчества и воспроизвести его въ своихъ твореніяхъ, но и надлежало бы понять и исполнить дошедшія до насъ готовыя творенія нашихъ предковъ. Это-то дѣло прежде всего и предстоитъ продолжить намъ.

Исторія, какъ наука, служитъ важною учительницею какъ въ общественной жизни людей, такъ въ наукѣ и искусствѣ. Тоже и относительно пѣнія. Исторія церковнаго пѣнія должна намъ открыть его первоисточники, степени и пути его естественнаго развитія, эпохи его процвѣтанія, а также застоя или упадка и причины того, очертить его разностороннія направленія и развѣтвленія, а также внутреннія условія и внѣшнія вліянія на его естественный ростъ и органическое развитіе, встрѣчавшіяся уклоненія отъ чистоты стиля, отъ церковнаго или художественнаго характера, наконецъ его роды и виды по мѣстамъ и народностямъ. Исторія должна указать и выдающихся дѣятелей въ области этого искусства и достойныя почему либо вниманія ихъ произведенія. Исторія откроетъ намъ богатства, скопленныя до насъ вѣками и научить насъ относиться къ нимъ и къ ихъ авторамъ съ надлежащимъ уваженіемъ, а затѣмъ она

*) Первые опыты техническаго изслѣдованія этихъ роспѣвовъ издаются мною съ 1887 г., но еще не закончены печатаніемъ.

расположить насъ не прерывать естественную съ ними связь, а положивъ ихъ въ основаніе, продолжать ихъ дѣло, подражая имъ въ лучшемъ и избѣгая ихъ ошибокъ. Исторія церковнаго пѣнія, какъ Вселенской такъ и Русской Церкви, въ первый разъ, но тщательно, вполне добросовѣстно и довольно подробно обработана нашимъ покойнымъ проф. моск. Консерваторіи прот. Д. В. Разумовскимъ. Его преемникамъ остается разработка и уясненіе лишь нѣкоторыхъ сторонъ и отдѣльныхъ пунктовъ. Важнѣйшими изъ нихъ въ настоящее время представляются слѣдующіе: біографіи церковно-музыкальныхъ пѣснотворцевъ и исторія ихъ произведеній, а также историческія изслѣдованія послѣдовательности степеней и формъ развитія церковныхъ напѣвовъ. Къ отдѣльнымъ пунктамъ, требующимъ продолженія разработки собственно по русской исторіи церковнаго пѣнія принадлежатъ: крюковая и нотная бібліографія вообще; первоначальное пѣніе въ Россіи отъ XI до XIV вѣка, т. е. древнее болгарское и греческое (кондакарное) пѣніе въ Россіи; сущность и причины преобразования церковнаго пѣнія съ половины XIV вѣка; развитіе и формы хомоваго великорусскаго пѣнія въ XVI и XVII вѣкѣ и полифоническаго нотнаго югозападнаго; обстоятельства происхожденія каждаго изъ нашихъ важнѣйшихъ роспѣвовъ: знаменнаго, кievскаго, болгарскаго, греческаго и другихъ.

II. *Практика церковнаго пѣнія: творческая, издательская, певческая.*

Церковно-музыкальное *творчество*, какъ и литературно-поэтическое, можетъ быть или оригинальнымъ или подражательнымъ, но во всякомъ случаѣ оно не должно и не можетъ ограничиваться какимъ либо однимъ видомъ произведеній или однимъ стилемъ. Многовидность церковнаго пѣнія фактически подтверждается исторіею этого искусства. Ея требуетъ широта и многосторонность воплощаемой идеи, которая болѣе или менѣе полно можетъ выразиться лишь совокупностію извѣстнаго рода художественныхъ произведеній. Поэтому разнообразіе формъ въ единствѣ представленія составляетъ одно изъ важныхъ условій красоты. Какъ разнообразные цвѣты на поляхъ, какъ многообразныя

добродѣтели въ христіанской жизни, не теряя значенія отдѣльных своихъ видовъ, выражаютъ полноту одни растительнаго царства природы, другія — нравственной христіанской жизни, такъ и церковныя роспѣвы и напѣвы разныхъ стилей, видовъ и гласовъ, не теряя своего значенія и не вредя одинъ другому, разносторонне выражаютъ полноту одного и того же объекта, которымъ въ церковномъ пѣніи служитъ мысль и чувство поемаго текста. Поэтому-то и въ пѣніи первенствующей христіанской церкви положены въ основу, не одинъ, а четыре главные лада и какъ бы стили разныхъ европейскихъ и азіатскихъ народностей (дорійскій, лидійскій, фригійскій и миксо-лидійскій или іонійскій), допущены къ употребленію всѣ три рода пѣнія (діатоническій, энгармоническій и хроматическій), составлены 8-мь гласовъ и нѣсколько напѣвовъ неосмогласныхъ, со смѣною означенныхъ гласовъ по столпамъ и съ переходами изъ одного въ другой (модуляція); и все это сдѣлано въ видахъ разнообразія церковнаго пѣнія. Съ тою же цѣлію и въ послѣдствіи Восточную церковь допускались при богослуженіи напѣвы разныхъ народностей и христіанскихъ обществъ. Поэтому же и у насъ съ половины XVII вѣка и до нынѣ допускаются въ церковное употребленіе осмогласныя роспѣвы разнаго стилиа глав. образомъ четырехъ же народностей: *великорусской, южнорусской, болгарской и греческой*, а также и неосмогласныя пѣснопѣнія иныхъ разныхъ стилей, подъ условіемъ лишь сохраненія въ нихъ духа греко-восточной церковности и общихъ требованій музыкальной красоты. Такимъ образомъ первымъ предметомъ для разработки и усовершенствованія въ настоящее время должны служить всѣ извѣстныя въ нашихъ церковныхъ книгахъ древнія роспѣвы: *Столповой* или знаменный, *киевскій, греческій* и *болгарскій*; первый изъ нихъ какъ основной и главный, послѣдніе три какъ дополнительные и второстепенные; за ними же и иные осмогласныя и неосмогласныя напѣвы и новыя композиціи, въ духѣ ли древнихъ роспѣвовъ или оригинальныя, мелодическія ли то или полифоническія. Господство же одного какого либо вида или стилиа древняго или новаго съ устраненіемъ прочихъ представляется стѣснительною для церковнаго искусства односторонностію, а

господство произведеній западнаго пошиба и мірскаго направленія—и совершенно неумѣстнымъ въ немъ явленіемъ.

Однако при возстановленіи нынѣ въ Россіи древнихъ церковныхъ распѣвовъ встрѣчается весьма важное затрудненіе съ одной стороны въ мелодическомъ творествѣ въ духѣ этихъ распѣвовъ, а съ другой—въ соглашеніи ихъ мелодій съ привычными уже намъ нынѣ формами европейской гармонизаціи и ритма. Скажемъ кратко объ обстоятельствахъ этого дѣла съ указаніемъ возможныхъ путей къ благополучному исходу.

Композиціи западнаго стиля, прервавъ во 2-й половинѣ XVIII вѣка русское мелодическое пѣснотворчество въ духѣ древнихъ распѣвовъ, отвлекли насъ отъ нихъ въ совершенно иную область музыки и образовали въ исторіи нашего древняго церковнаго пѣнія огромный мелодическій пробѣлъ, который уже собственными нашими средствами восполненъ быть не можетъ. Ибо чрезъ упущеніе этого мелодическаго творчества утрачено нами весьма важное звѣно, связующее наше настоящее съ отдаленнымъ прошедшимъ. Даже произошло нѣчто худшее: живое художественное преданіе древнихъ распѣвовъ у насъ за это время изсякло; лучшіе способы и приемы ихъ исполненія забыты. А это обстоятельство снова ведетъ къ мысли о восполненіи упущеннаго у насъ не прерывавшимся донинѣ творчествомъ нашихъ восточныхъ единовѣрцевъ — южныхъ славянъ и грековъ, пѣніе которыхъ, восполнивъ указанный пробѣлъ, могло бы дать намъ толчекъ къ продолженію русскаго самобытнаго творчества въ связи съ пѣніемъ греко-славянскимъ. Чрезъ это живое общеніе въ пѣніи мы могли бы уяснить себѣ и теорію нашего пѣнія, и древніе, сохраняющіеся еще у этихъ народовъ, мелодическіе способы его исполненія и выразительности, уяснить гораздо лучше, чѣмъ изъ нашихъ архивныхъ рукописей, или изъ живаго же, но утратившаго художественныя стороны, преданія нашихъ старообрядцевъ. Но есть и другія причины оживить наше церковное пѣніе свѣжею струею именно греко-славянскаго мелодическаго пѣнія. Это — самая художественность этого пѣнія, его устойчивость, цѣльность и оригинальность. Съ другой стороны мы уже не разъ и не безъ успѣха дѣлали опыты непосредствен-

наго заимствованія церковнаго пѣнія и отъ грековъ и отъ болгарскихъ славянъ (въ XII и XVII вѣкахъ). На пѣніе грековъ и южныхъ славянъ возлагаютъ надежды и нѣкоторые изъ нашихъ знатоковъ и любителей церковнаго пѣнія. *) Во всякомъ же случаѣ, если уже суждено нашему церковно-пѣвческому искусству продолжать свое существованіе съ дополнительными заимствованіями извнѣ, то гораздо естественнѣе, справедливѣе и благоприличнѣе намъ черпать для него мелодическій матеріаль изъ обильныхъ запасовъ единовѣрныхъ намъ христіанъ—грековъ и южныхъ славянъ, чѣмъ изъ репертуаровъ инославнаго запада, или даже театра. А это дѣло опять потребуетъ отъ дѣятелей и соотвѣтственныхъ познаній, и не малыхъ трудовъ.

Ритмъ и гармонизація пѣвцовъ. Съ творческою практикою соприкосновенны ритмъ и гармонизація церковныхъ пѣвцовъ. Что касается до *ритма* древнихъ греко-византійскихъ и нашихъ распѣвовъ, то онъ гл. обр. есть *словесный*, для возстановленія котораго не требуется особыхъ трудовъ и усилій. Онъ долженъ остаться въ томъ же видѣ, въ какомъ излагается нынѣ въ нашихъ одноголосныхъ пѣвческо-богослужебныхъ книгахъ, безъ примѣненія къ нему правилъ однообразнаго послѣдованія *сильныхъ* и *слабыхъ* временъ (т. е. дѣленія на равныя такты), и развѣ только тщательное дѣленіе мелодій на строфы, періоды, строки (колѣна) и главные мелодическіе обороты, потребуетъ нѣкоторыхъ работъ. Не столь легка гармонизація древнихъ мелодическихъ распѣвовъ греко-восточнаго происхожденія для многоголоснаго исполненія. Въ этомъ отношеніи не мало дѣлалось опытовъ и у насъ въ Россіи и за границей, но вообще безъ желаемаго успѣха, пот. что западная гармонизація, какъ искусство новое и строго фор-

*) Такъ Архим. (епископъ) Порфирій Успенскій, около половины мышшшняго вѣка, привезъ въ Россію образцы греческаго пѣнія и практиковалъ примѣненіе ихъ къ славянскому тексту пѣснопѣній въ Кіево-Михаиловскомъ монастырѣ. Н. М. Потуловъ, а за нимъ и П. А. Безсоновъ придавали важное значеніе сопоставленію нашего пѣнія съ православнымъ пѣніемъ южныхъ славянъ. „Монастыри, бібліотеки и живучія преданія сербовъ говорятъ г. Безсоновъ, обѣщаютъ много обогатить, или по крайней мѣрѣ дополнить насъ съ этой стороны.“ Безсоновъ. „Изъ исторіи церковно-русскаго пѣснопѣнія.“ Прав. Обозр. 1872 г. первое полугодіе, стр. 127.

мальнос, не легко мирится съ древнимъ весьма свободнымъ мелодическимъ голосоведеніемъ, съ обширными мелодическими украшеніями (кратиматами, терерисмами), а особенно, — въ греческомъ пѣніи, — съ энгармоническимъ и хроматическимъ родами пѣнія, заключающими въ себѣ четверти, трети и еще болѣе дробныя доли цѣлыхъ интерваловъ. Поэтому въ бывшихъ доселѣ въ европѣ опытахъ гармонизаціи древнихъ греческо-восточныхъ напѣвовъ по необходимости приходилось или измѣнять и сокращать мелодію для гармоническихъ выводовъ, или же нарушать чистоту, а иногда и основныя правила европейской гармоніи. Подобное сему затрудненіе встрѣчено и русскими музыкантами при гармонизаціи древнихъ русскихъ роспѣвовъ. Ихъ діатоническая гамма, большія мелодическія украшенія (Ѳитныя лица) и древній мелодическій характеръ представляли не мало затрудненій для примѣненія къ нимъ европейской контрапункціи. Причемъ то гармонія, то чаще всего мелодія, утрачивали важную часть своихъ свойствъ и достоинствъ. Изъ иностранныхъ переложеній въ гармоническій видъ греческаго церковнаго пѣнія особенно извѣстны переложенія г. Рандхартингера, изд. въ Вѣнѣ, южно-славянскаго пѣнія—К. Станкевича, въ Вѣнѣ же, и испанца І. Де-Кастро, въ Римѣ. Къ опытамъ переложеній древнихъ русскихъ напѣвовъ въ Россіи должно причислить троестрочное пѣніе, господствовавшее особенно въ XVII вѣкѣ, труды придворныхъ пѣвцовъ Петра Великаго, переложенія прот. Турчанинова и директоровъ придворной капеллы: Д. С. Бортнянскаго и А. Ѳ. Львова; затѣмъ въ новомъ направленіи,—чисто въ діатонической гаммѣ, труды: М. И. Глинки, Н. М. Потулова, Д. Н. Соловьева, и Московскаго Общества любителей церковнаго пѣнія, а наконецъ опять придворной пѣвческой капеллы.

Соображая всѣ бывшіе доселѣ способы примѣненія европейской гармоніи къ древнимъ восточнаго происхожденія мелодическимъ напѣвамъ, опять мы приходимъ къ заключенію, что большая часть этихъ работъ не увѣнчивалась надлежащимъ успѣхомъ отъ того, что страдала *односторонностію*, именно въ слѣдствіе стремленія перелагателей насильственно навязать древнимъ напѣвамъ одинъ только, при томъ наименѣе приложимый

къ нимъ видъ гармоніи, тогда какъ видовъ этихъ существуетъ нѣсколько. Упомянемъ о нихъ кратко. Первый видъ многоголоснаго исполненія состоитъ въ томъ, что пѣвцы исполняя мелодію въ одинъ голосъ, лишь съ разностию между высокими и низкими голосами на октаву, допускаютъ въ ней по мѣстамъ *подголоски*, т. е. незначительныя отступленія отъ точнаго послѣдованія мелодическому напѣву, происходящія въ простыхъ аккордахъ. Второй видъ гармоническаго пѣнія, издавна извѣстный собственно въ греческихъ церквахъ, состоитъ въ томъ, что одинъ высокій голосъ, теноръ или альтъ, звучно исполняетъ мелодію напѣва, сопровождая её словами поемаго текста, между тѣмъ какъ всѣ прочіе пѣвцы унисонно и безъ словъ держатъ только начальный, основной звукъ ея. Это — пѣніе съ *исономъ* (ἰσον—равное). Третьй видъ полифоническаго пѣнія есть европейская гармонія діатоническаго, или же хроматическаго рода, въ видѣ ли дуэта, тріо или квартета и проч. Наконецъ есть смѣшанные виды полифоническаго пѣнія, именно соединеніе въ одномъ и томъ же отрывкѣ *solo* съ *tutti*, мелодическаго многоголоснаго пѣнія съ гармоническимъ. (Видъ многоголоснаго пѣнія съ подголосками мы можемъ слышать въ соборномъ пѣніи нашихъ священно-служителей, а также въ пѣніи сборной клиросной братіи и у старообрядцевъ; пѣніе съ *исономъ*, извѣстное донинѣ на Афонѣ и въ большей части церквей греческихъ, рекомендуется г. Де-Кастро и для нашего славянскаго клироснаго пѣнія, для чего излагаются имъ и его образцы *). Пѣніе *гармоническое* употребительно во всѣхъ нашихъ свѣтскихъ и церковныхъ хорахъ, сформированныхъ по западнымъ образцамъ. Наконецъ оригинальное и весьма привлекательное сочетаніе мелодическаго пѣнія съ гармоническимъ мы видимъ въ изложеніи греческаго пѣнія г. Рандхартингеромъ. Вотъ общіе виды многоголоснаго исполненія церковныхъ пѣснопѣній, могущіе быть примѣненными къ разнымъ мелодіямъ и нашего церковнаго пѣнія. Нѣкоторыя же мелодіи, сверхъ того, могутъ быть исполняемы, по древнему обычаю, и одинокимъ пѣвцомъ (*solo*) съ припѣваніемъ ему народа (*tutti*).

*) De Castro въ вышеупомянутомъ сочиненіи: *Methodus cantus*.

Практика издательская. Нотныя наши изданія по церковному пѣнію представляютъ собою родъ сборниковъ, содержащихъ въ себѣ или полный кругъ годичнаго клироснаго пѣнія, или только извѣстную церковную службу (наприм. литургію) и даже извѣстный отдѣлъ ея (напр. ирмосы), или наконецъ только нѣкоторыя избранныя пѣснопѣнія. Но для насъ важнѣе ихъ дѣленіе съ точки зрѣнія содержащихся въ нихъ напѣвовъ, именно: а) на мелодическіе сборники древнихъ напѣвовъ; б) сборники новыхъ гармоническихъ церковныхъ композицій преимущественно западнаго стиля; г) сборники *обычнаго* клироснаго пѣнія и, наконецъ, д) сборники для школьнаго употребленія и пѣнія общенароднаго.

а) Къ сборникамъ древнихъ нашихъ церковныхъ напѣвовъ главнымъ образомъ, относятся изданія Московской Синодальной типографіи съ 1772 г., именно: Октоихъ нотнаго пѣнія, Обиходъ (пространный), Ирмологъ и Праздники. Въ нихъ собрано въ изобиліи и даже иногда въ избыткѣ *) главное церковнопѣвческое достояніе нашего прежняго времени до XVIII вѣка. Совокупность этихъ книгъ представляетъ собою одинъ изъ драгоценныхъ памятниковъ церковной древности, подобныхъ которому не имѣетъ западная европа. Во избѣжаніе недоумѣній, могущихъ встрѣтиться при разсмотрѣніи или употребленіи этихъ книгъ должно замѣтить прежде всего, что онѣ содержатъ въ себѣ пѣніе по преимуществу торжественно-праздничное и потому болѣе или менѣе художественное, рассчитанное на исполненіе надлежаще приготовленными къ тому пѣвцами; въ устахъ же неискусныхъ пѣвцовъ пѣніе это, какъ и лучшія гармоническія произведенія позднѣйшаго времени, теряютъ всякое художественное значеніе. Затѣмъ напѣвы въ нихъ изложены пятилиней-

*) Таковы особенно многочисленные *дневные* ирмосы, представляющіеся нынѣ излишними для всеобщаго церковнаго употребленія.

ною нотною системою лишь въ элементарномъ ея видѣ, въ расчетѣ на восполненіе ихъ художественной стороны живымъ устнымъ преданіемъ, опытностію руководителей хоровъ и неутратившимся еще въ Россіи параллельнымъ ихъ изложеніемъ крюковыми знаками. За утратою же въ настоящее время древняго устнаго пѣвческаго преданія, за неимѣніемъ опытныхъ въ древнемъ пѣніи пѣвцовъ и общимъ забвеніемъ крюковаго знамени, эта система представляется нынѣ недостаточною, что конечно, вмѣстѣ съ вкравшимися въ изданіи нѣкоторыми ошибками, и послужило поводомъ къ постепенному исправленію и новому изложенію древнихъ напѣвовъ за послѣднее время. Нотные знаки элементарной системы, по мнѣнію знатоковъ древняго русскаго церковнаго пѣнія (напр. гг. Д. С. Бортнянскаго, С. В. Смоленскаго и др.), не могутъ выразить построенія и частныхъ знаменнаго распѣва *). Особенно же съ этою системою совершенно утратились для нашего времени весьма важные для художественнаго исполненія древнихъ напѣвовъ извѣстные и у грековъ и у нашихъ предковъ, при ихъ крюковой нотописи, знаки оттѣнковъ выраженія, обозначающіе пѣніе не только громкое или тихое, твердое или мягкое, но также звуки союзно произносимые или отрывистые, ровные или колебательные и дрожащіе, носовые или гортанные, свѣтлые или глухіе, издаваемые болѣе или менѣе открытымъ ртомъ и проч. **). Очевидно, что для надлежащаго, художественнаго исполненія древнихъ напѣвовъ эти оттѣнки мелодическаго выраженія должны быть возстановлены, или же по крайней мѣрѣ замѣнены соотвѣтственными имъ иными оттѣнками. Прибавимъ къ сему, что развитіе у насъ мелодической теоріи укажетъ и нѣкоторыя другія необходимыя пополненія означенной нотации, напримѣръ со стороны ритмическаго дѣленія мелодій на полустишія (колѣна, строки),

*) Проектъ Бортнянскаго объ изданіи древнихъ напѣвовъ крюковыми нотами. Приложение къ протоколу 25 Апр. 1878 г. Общества любителей древн. письменности. Спб. 1878 г. См. Выдержку въ „Азбукѣ А. Меазенца“, г. Смоленскаго, стр. 26.

**) См. о греческомъ пѣніи Бурго-Дюкюдра: *Études sur la musique Eccles. Grecque*. Paris. 1877. и I. De-Castro: *Methodus cantus ecclesiastici*. Romae. 1881.

стихи (періоды), строфы (куплеты), а также относительно мелодической акцентуаціи, украшеній и проч.

б) Что касается переложеній древнихъ нашихъ напѣвовъ въ гармоническій видъ, то важнѣйшіе труды въ этомъ отношеніи принадлежатъ придворной пѣвческой капеллѣ, особенно же директорамъ ея Бортнянскому и Львову, а также прот. Турчанинову *). Но, какъ выше сказано, труды эти, имѣвшіе большое значеніе для своего времени, нынѣ съ измѣненіемъ взглядовъ на этотъ предметъ, признаются несовременными, хотя новыя отдѣльныя попытки переложеній въ чисто *діатоническомъ* родѣ, съ сохраненіемъ древнихъ мелодій въ неприкосновенномъ ихъ видѣ, не выработали еще одного строго опредѣленнаго и общераспространеннаго стили ихъ гармонизаціи. Трудъ этотъ предлежитъ будущимъ дѣятелямъ по церковному пѣнію.

в) Не будемъ много говорить о весьма многочисленныхъ и всюду распространенныхъ нынѣ сборникахъ новыхъ сравнительно церковныхъ композицій западнаго стили разныхъ авторовъ. Многія изъ этихъ сочиненій прекрасны сами по себѣ и достойны клироснаго употребленія при православномъ богослуженіи, многія посредственны, но гораздо болѣе такихъ, которыя совершенно чужды духа нашей церковности и должны быть поэтому изъяты изъ *церковнаго* употребленія. Вообще относительно этого рода произведеній требуется строгая разборчивость. Причемъ критеріемъ ихъ подбора для употребленія при православномъ богослуженіи должны служить не только общія музыкально-художественныя начала, но и соблюденіе или несоблюденіе въ этихъ произведеніяхъ характера православной церковности, соотвѣтствіе или несоотвѣтствіе ихъ цѣлямъ самаго богослуженія, выполненіе или невыполненіе въ нихъ общихъ требованій свято-отеческаго преданія относительно церковнаго пѣнія **)

г) *Обычное* клиросное пѣніе, составляя необходимую принадлежность годичнаго круга богослуженія, всегда представляло

*) Своисва этихъ переложеній рассмотрѣны въ соч. прот. Д. В. Разумовскаго. Вып. 2, со стр. 232.

***) См. „О церковномъ пѣніи п греко-росс. церкви“, изд. 2-е, § 1, со стр. 11

собою совокупность преимущественно *малыхъ* роспѣвовъ и предметъ устнаго пѣвческаго преданія, и только въ послѣдніе три десятилѣтія появилось нѣсколько сборниковъ этого пѣнія *). Нужда въ такихъ сборникахъ указывается не только практической необходимостію ежедневнаго богослуженія, но и потребностію въ болѣе правильномъ, однообразномъ и приличномъ православному богослуженію пѣніи. Однако всеъ изданные понынѣ сборники этого пѣнія, и по количеству и по качеству напѣвовъ, стоятъ ниже дѣйствительной обычной клиросно - пѣвческой практики въ Россіи, такъ что иногда приходится читать ихъ и вмѣстѣ удивляться, почему въ нихъ упущены многіе извѣстнѣйшіе и достойные церковнаго употребленія напѣвы и почему иные изъ нихъ изложены въ худшей редакціи, чѣмъ какую они имѣютъ въ дѣйствительномъ клиросномъ пѣніи. Отсюда вытекаетъ потребность, не слѣдуя слѣпо такимъ сборникамъ, выслѣживать лучшіе живые образцы обычнаго церковнаго пѣнія и продолжать собраніе ихъ, очищая ихъ редакцію болѣе строгою критикою. А это дѣло потребуетъ также приложенія силъ, познаній и не мало времени. Затѣмъ нельзя ограничить обычное пѣніе лишь одними *малыми* или сокращенными роспѣвами, хотя бы и въ незначительныхъ приходскихъ церквахъ. Древній пѣвческій обычай, согласно церковному уставу, отличаетъ особою торжественностію не только великіе праздники, но и важнѣйшія пѣснопѣнія въ каждомъ богослуженіи. Таковы многія не смѣняемыя пѣснопѣнія богослуженія, очень часто не надписанныя гласомъ, пѣснопѣнія сопровождающія болѣе или менѣе важныя священнодѣйствія, наконецъ заключительныя пѣснопѣнія въ томъ или другомъ ихъ ряду, наприм., богородичны догматики, катавасіи и другія, которыя должны быть пѣты болѣе протяженными и торжественными напѣвами, чѣмъ рядовыя пѣснопѣнія. Этими-то напѣвами и должны быть непременно дополнены наши сборники обычнаго пѣнія.

*) Сборники эти суть: 1) Обиходы придворнаго пѣнія, изданные гг. Львовымъ и Бахметевымъ; 2) Кругъ церковныхъ пѣснопѣній обычнаго напѣва Московской епархіи; 3) Сборникъ церковн. пѣснопѣній, употребл. во Владимірской епархіи, діак. О. Соколова; 4) Кругъ обычнаго церковнаго пѣнія, свщ. Д. Азламекаго.

д) *Пѣніе въ школахъ.* Иностранцы упрекаютъ насъ въ томъ, что доселѣ у насъ нѣтъ надлежащаго методическаго руководства для преподаванія церковнаго пѣнія въ нашихъ школахъ *). Недостатокъ этотъ преувеличенъ **). Однако желательно, чтобы съ развитіемъ теоріи и практики нашего церковнаго пѣнія и наши учебныя руководства и пособія для школъ приняли иной, лучшій видъ, какъ въ методическомъ, такъ и въ техническомъ отношеніяхъ.

Но у насъ дѣйствительно совершенно не имѣется особыхъ нотныхъ изданій для *общенароднаго* церковнаго пѣнія, какъ предмета у насъ еще новаго и потому недостаточно обоснованнаго. Впрочемъ общенародное пѣніе, какъ простѣйшее и *обычное* по своему составу, не должно затруднить въ выборѣ напѣвовъ, когда болѣе точно опредѣлится предметъ и порядокъ общенароднаго пѣнія при богослуженіи, потому что очевидно, что народъ долженъ пѣть въ церкви не новое что либо, а часть того же, что доселѣ пѣлось только на клиросахъ; выдѣленіе же изъ сборниковъ клироснаго пѣнія простѣйшихъ напѣвовъ для народнаго употребленія не составитъ особаго труда и будетъ дѣломъ скорѣе издателей нотныхъ книгъ, чѣмъ мастеровъ церковнаго пѣнія. Гораздо труднѣе составить новыя церковныя композиціи для народнаго пѣнія, но, при настоящемъ положеніи дѣлъ, едва ли въ ближайшемъ будущемъ можно ожидать потребности въ нихъ, а слѣдовательно и сообразныхъ съ нею новыхъ произведеній.

Пѣвческая практика. Не трудно исполнять гармоническія произведенія европейскаго стиля, какъ уже привычныя нашему слуху и снабженныя въ нотации всеми возможными знаками музыкальнаго выраженія. Для этого требуются лишь достаточныя голосовыя средства, извѣстная подготовка пѣвцовъ и опыт-

*) De-Castro въ вышеозначенномъ сочиненіи; prologus, p. XVII.

**) Руководствами для преподаванія церковнаго пѣнія въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ были: Сокращенный Обиходъ, Руководство Н. Потулова, а въ послѣднее время одобрено (но еще не напечатано) Руководство А. Ряжскаго.

ный руководитель хора, каковыхъ въ настоящее время у насъ уже не мало. Напротивъ, исполненіе древнихъ роспѣвовъ нынѣ весьма трудно. Причиною того недостаточность для выраженія ихъ музыкальныхъ знаковъ, которыми они нынѣ изложены, забвеніе нами древняго пѣвческаго преданія, а вмѣстѣ и отсутствіе живыхъ художественныхъ образцовъ пѣнія, и наконецъ совершенный недостатокъ опытныхъ руководителей для пѣвцовъ въ исполненіи ими древнихъ напѣвовъ. Вмѣстѣ же съ этимъ утрачены для насъ не только свобода и задумчивость древняго нашего церковнаго пѣнія, но и древніе его художественные оттѣнки выраженія. Однако и нынѣ есть возможность возстановить до извѣстной степени вѣрно древнее наше церковное пѣніе. Къ тому подають надежду: нѣкоторые остатки живыхъ его образцовъ у нашихъ единовѣрцевъ и старообрядцевъ, сохранность доннынѣ древнихъ пѣвчихъ книгъ и извѣстность нѣкоторымъ знатокамъ церковнаго пѣнія ихъ крюковыхъ знаковъ, наконецъ сохранность всѣхъ древнихъ приемовъ мелодическаго церковнаго пѣнія у грековъ и придунайскихъ славянъ, — нашихъ первоучителей и главныхъ руководителей въ церковномъ пѣніи. Ихъ мелодіи и живые образцы исполненія, можно думать, окажутъ намъ великое пособіе для возстановленія древнихъ способовъ и приемовъ церковно-мелодическаго пѣнія.

Но не это одно должно составлять предметъ нашихъ заботъ относительно нашихъ церковныхъ хоровъ. Упомянемъ о нѣкоторыхъ весьма желательныхъ въ нихъ качествахъ. Истинно церковные хоры, кромѣ свойствъ общихъ всѣмъ пѣвческимъ хорамъ, т. е. извѣстной степени теоретической и практической пѣвческой эрудиціи, разумности и тщательности исполненія, аккуратности въ занятіяхъ и строгаго соблюденія хоровой дисциплины, бодрости духа и взаимо-вспоможенія при пѣніи, должны еще отличаться и иными свойствами, вытекающими изъ церковности ихъ пѣвческихъ занятій.

1) Прежде всего церковное пѣніе должно быть согласно съ церковнымъ уставомъ православнаго богослуженія. Пѣвцы должны пѣть именно то, что положено въ церковныхъ книгахъ

пѣть при извѣстныхъ богослуженіяхъ и въ томъ именно порядкѣ, въ какомъ положено, не сокращая пѣвческаго матеріала и не измѣняя его порядка. Въ этомъ случаѣ имъ должно руководиться не произволомъ и даже не пѣвческими сборниками, иногда сокращенными, но уставнымъ порядкомъ богослуженія*). Тоже должно сказать и относительно внѣшнихъ способовъ и пріемовъ, указанныхъ опредѣленно въ церковномъ уставѣ и въ богослужебныхъ книгахъ. Всячески желательно, чтобы пѣвцы исполняли требованія церковнаго устава: относительно пѣнія *антифоннаго*, распредѣляемаго клиросно и совокупнаго, исполняемаго обоими клиросами вмѣстѣ; относительно *мѣста* пѣнія— на клиросѣ, среди церкви, или въ притворѣ; относительно общихъ оттѣнковъ выраженія, обозначаемыхъ надписаніями: *величасно*, *косно* (медленно), *поскору*, *тихо*, *равно*, со сладкопѣніемъ (*dolce*) и проч. Затѣмъ, относительно порядка службъ, они находятся въ непосредственномъ подчиненіи предстоятеля церкви, какъ первоблюстителя церковнаго устава и главнаго распорядителя при богослуженіи.

2) Желательно, чтобы пѣвцы, при употребленіи ими всякаго рода напѣвовъ содѣйствовали цѣлямъ православнаго богослуженія и соблюдали общіе обычаи и пріемы пѣнія, одобренные древними отцами и учителями церкви, а съ другой стороны избѣгали всего неодобреннаго ими. Церковное пѣніе, по мысли этихъ первоуставщиковъ православнаго богослуженія, должно быть *вразумительно* и *поучительно* для молящихся, т. е. соединено съ внятностію текста, чуждо затемняющихъ его мысль сложности и чрезмѣрной искусственности; затѣмъ оно должно отличаться *безстрастіемъ* и *важностію* своего характера, должно быть чуждо свѣтскаго, а тѣмъ болѣе театральнаго характера; вмѣстѣ же съ тѣмъ оно должно быть выразительное и изящное, благочинное и благоговѣйное, а не кичливое и крикливое. Наконецъ оно должно быть соединено съ отчетливо выполняемою мелодіею и надлежащимъ словеснымъ ритмомъ пѣснопѣній**).

*) См. указы Св. Синода о болѣе полномъ и благоговѣйномъ отправленіи богослуженія въ приходскихъ церквахъ и духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

**) Подробнѣе объ этомъ см. „О церковномъ пѣніи“, изд. 2-е, § 1, стр. 27—29.

3) Относительно употребленія тѣхъ или иныхъ распѣвовъ въ настоящее время, въ видахъ разнообразія церковнаго пѣнія и единенія церквей, представляется наилучшимъ двухсотлѣтній обычай русской церкви *совмѣщать* при богослуженіи *разные* греко-славянскіе распѣвы: *знаменныи, кіевскій, болгарскій и греческій*, а также и новыя партеечныя переложенія и композиціи, выдерживающія характеръ православной церковности. Но при этомъ необходимо распредѣлять эти распѣвы и ихъ виды применительно къ характеру богослуженій и значенію самыхъ пѣснопѣній въ богосл. Такъ стихиры у насъ поются обыкновенно кіевскимъ распѣвомъ, тропари — греческимъ и знаменнымъ. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ особенно прилично употреблять одинъ извѣстный распѣвъ въ приложеніи, если не ко всѣмъ, то къ большей части пѣснопѣній. Такъ во дни Пасхи прилично всего употреблять весело-торжественныя распѣва *греческаго*, во дни же великой четыредесятницы (кромѣ субботнихъ и воскресныхъ дней) и на службахъ заупокойныхъ (на всенощ. бдѣніи, на литургіи, въ чинѣ погребенія и панихиды) — скорбныя молитвы *знаменного* распѣва. Наконецъ необходимо соразмѣрять протяжность пѣнія съ продолж. священнодѣйствій и значеніемъ извѣстнаго пѣснопѣнія въ ряду другихъ пѣснопѣній богослуженія. Такъ пѣснопѣнія во время кажденія церкви, при совершеніи священнослужащими входовъ, тайныхъ молитвъ, во время причащенія, а также нѣкоторыя несмѣняемыя пѣснопѣнія церковныхъ службъ всѣ славники, богородичны догматики, величанія и задостойники, необходимо пѣть протяженными или *большими* распѣвами, прилично же всего древнѣйшимъ изъ нихъ *большимъ знаменнымъ*; прочія же пѣснопѣнія — краткими распѣвами. Но при этомъ слѣдуетъ избѣгать какъ излишней растянутости, такъ и торопливой бѣглости въ пѣніи.

4) Наконецъ самое поведеніе пѣвцовъ на клиросѣ и даже внѣшній видъ ихъ должны быть безупречны и не должны подавать никакого повода къ соблазну или развлеченію молитвеннаго настроенія присутствующихъ въ храмѣ. Пѣвцы не должны забывать, что они у всѣхъ на виду и что всякая ихъ поза и каждое движеніе замѣтны для богомольцевъ. Всѣмъ видно,

исполняютъ ли они или нѣтъ поклоны и другіе исконные православныя церковныя обычаи, держатъ ли себя въ храмѣ благоговѣйно и чинно, или же неблагоговѣйно и небрежно, своевременно ли или несвоевременно входятъ въ церковь и выходятъ изъ нея. допускаютъ ли или не допускаютъ разговоры, смѣхъ, оглядываніе по сторонамъ, несвоевременныя хожденія изъ храма и обратно подъ предлогомъ ношенія нотъ и другихъ будто бы клиросныхъ надобностей. Молящимся замѣтны и задачи тона для пѣнія, и кадансъ, дѣлаемые регентомъ хора, а равно и каждая самая незначительная ошибка въ пѣніи. Отъ неосторожности же и неаккуратности пѣвцовъ и ихъ управителя происходятъ: развлеченіе присутствующихъ въ храмѣ, пересуды между ними по выходѣ изъ него, порицанія пѣвцамъ и даже самому порядку богослуженія, каковыя порицанія мы нерѣдко встрѣчаемъ, на примѣръ, въ полемическихъ книгахъ противъ православной церкви нашихъ мнимыхъ старообрядцевъ *).

Тѣже самыя нужды и тѣже самыя задачи существуютъ и для православнаго церковнаго пѣнія въ Прибалтійскомъ краѣ, лишь съ мѣстными оттѣнками ихъ причинъ, степени, частныхъ свойствъ, а затѣмъ и способовъ къ болѣе или менѣе благопріятному исходу. Въ 1888 году я уже имѣлъ случай говорить „о состояніи церковнаго пѣнія въ православныхъ церквахъ Прибалтійскаго края и о мѣрахъ къ его возвышенію“. **) Теперь считаю достаточнымъ кратко упомянуть о сказанномъ мною съ нѣкоторыми дополненіями и примѣненіями къ настоящему случаю.

Въ Прибалтійскомъ краѣ церковное пѣніе возбуждаетъ къ себѣ особый интересъ не только какъ предметъ богослужебной практики, еще сравнительно здѣсь новой, но и какъ предметъ школьнаго преподаванія и народнаго обученія, столь важныхъ въ дѣлѣ религіознаго воспитанія и единенія въ Русскою православною Церковію. Въ отношеніи къ богослуженію здѣсь существуетъ потребность примѣнить церковныя напѣвы къ богослу-

*) См. „Церк. пѣніе прав. Юго-Западной Руси по ирмологамъ XVII и XIII вв.“ Кіевъ 1890 г., стр. 74, примѣч. 2.

**) См. „Риж. Еп. Вѣд.“ за 1888 г. №№ 7, 9, 11, 20, 23 и 24.

жебному тексту мѣстныхъ народностей, вмѣстѣ же съ тѣмъ разширить и возвысить церковное пѣніе до надлежащей степени его полноты и благолѣпія, свойственныхъ христіанскимъ обществамъ, достигшимъ полной мѣры возраста; въ отношеніи школь—необходимо сообщить воспитывающимся достаточныя и здравыя понятія о музыкальныхъ началахъ, формахъ и красотахъ православнаго пѣнія, и воспитать въ нихъ вкусъ къ истинно эстетически—религіознымъ наслажденіямъ, а чрезъ то и привязанность къ православнои церковности. Наконецъ въ отношеніи къ народу—необходимо дать ему средства удовлетворить развитой уже здѣсь потребности въ общенародномъ храмовомъ пѣніи и въ домашнихъ молитвенно-благочестивыхъ упражненіяхъ.

Эти нужды православнаго богослуженія, школы и народа въ области церковнаго пѣнія на здѣшней окраинѣ болѣе настоятельны, чѣмъ въ предѣлахъ коренной Россіи, эти задачи болѣе неотложны, а вмѣстѣ и болѣе трудны для рѣшенія. Причиною того прежде всего бывшія здѣсь неблагопріятныя условія для развитія и процвѣтанія церковнаго пѣнія. Сравнивая условія развитія церковнаго благолѣпія вообще и въ частности церковнаго пѣнія у славянскихъ племенъ съ таковыми же условіями въ Прибалтійскомъ краѣ, мы нашли эти послѣднія крайне неблагопріятными. Къ нимъ относятся: малочисленность а вмѣстѣ и разноплеменность мѣстныхъ обитателей, долговременное ихъ пребываніе подъ властію и вліяніемъ разныхъ инославныхъ народностей, особенно же нѣмцевъ—лютеранъ; недостатокъ административнаго вліянія православныхъ туземцевъ въ краѣ; а также имущественнаго и образовательнаго ихъ ценза; сравнительная недавность православія въ краѣ и отвлеченіе силъ немногочисленныхъ мѣстныхъ трудолюбцевъ отъ пѣнія дѣлами первой важности, каковы: укрѣпленіе колеблющихся въ вѣрѣ новообращенныхъ, борьба съ инославными обычаями, постройка церквей, переводы на мѣстные языки необходимыхъ богослужебныхъ книгъ и вообще благоустроеніе еще неполнаго здѣсь уставнаго порядка богослуженія.

Далѣе неблагоустроенность церковнаго пѣнія въ краѣ происходила частію отъ скудости здѣсь для него источниковъ, частію

отъ трудности ихъ примѣненія къ мѣстнымъ богослужебнымъ текстамъ; затѣмъ отъ недостатка учрежденій и специальныхъ мѣръ, содѣйствующихъ развитію церковнаго пѣнія. Первоначальнымъ и главнымъ источникомъ церковныхъ напѣвовъ здѣсь было элементарное устное пѣвческое преданіе, приносимое сюда клириками—пришельцами изъ разныхъ мѣстъ обширной Россіи, и потому сколько разнообразное, столько же и шаткое, мѣняющееся съ перемѣною лицъ клира. Обширный письменный матеріалъ русскихъ древнихъ и новыхъ напѣвовъ былъ здѣсь бесполезенъ безъ тщательнаго его разбора и безъ примѣненія къ мѣстнымъ народнымъ текстамъ; а для его разбора и примѣненія требовались знаніе дѣла и время. Затѣмъ обособленность и, такъ сказать, замкнутость края отъ прочей православной Россіи и отсутствіе въ немъ православныхъ монастырей—этихъ средоточій духовно-религіозной жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ внѣшняго церковнаго благодѣнія и полнаго уставнаго богослуженія, — лишали православное его населеніе возможности слышать и живые образцы благоустроеннаго пѣнія церковнаго. Недоставало въ край и учрежденій,—школь, братствъ и обществъ, способствующихъ развитію церковнаго пѣнія. Къ учрежденіямъ этимъ слѣдовало бы отнести рижскій архіерейскій хоръ и духовно-учебныя заведенія епархіи. Но архіерейскіе хоры, какъ мы видѣди, при усвоенномъ ими исключительно *партесномъ* пѣніи, служа образцами и нѣкоторымъ образомъ школою для подобныхъ же имъ городскихъ хоровъ, обыкновенно не имѣютъ благотворнаго вліянія на *мелодическое* богослужебное пѣніе простыхъ клиросныхъ пѣвцовъ, а тѣмъ болѣе на пѣніе *общенародное*. Что же касается духовно-учебныхъ заведеній, то здѣсь на всѣ три губерніи ихъ имѣется только два, — это рижское духовное училище, основанное въ 1847 г. и рижская духовная семинарія, существовавшая слитно съ училищемъ съ 1851 г. и отдѣленная отъ него въ 1870 г.; вслѣдствіе чего большинство псаломщиковъ края состоитъ изъ воспитанниковъ, не духовныхъ, а свѣтскихъ учебныхъ заведеній и преимущественно учительской семинаріи. Да и вообще на духовно-учебныя заведенія, какъ заведенія не специально пѣвческія, а съ общеобразовательнымъ характеромъ, при томъ съ

научно-педагогическою а не практическою постановкою предметовъ, равно какъ и по многимъ другимъ причинамъ, *) нельзя возлагать большихъ надеждъ, какъ на разсадники церковнаго искусства. Наконецъ и нѣкоторыя изъ спеціальныхъ мѣръ къ развитію въ краѣ церковнаго пѣнія оказались здѣсь мало примѣнимыми, а потому и малоплодными. Съѣзды причетниковъ и учителей церковно-приходскихъ школъ на пѣвческіе курсы оказались сопряженными для этихъ лицъ съ значительными расходами и упущеніемъ прямыхъ обязанностей по церкви, строгій выборъ лицъ низшаго клира могъ отозваться недостаткомъ ихъ необходимаго количества для отпращиванія богослуженія, достаточно полныхъ методическихъ руководствъ и сборниковъ для изученія церковнаго пѣнія не было; чувствовался недостатокъ въ руководителяхъ по церковному пѣнію въ церкви и въ школахъ.

Вслѣдствіе же всего этого церковное пѣніе во многихъ православныхъ церквахъ края находилось въ неустроенномъ, а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ даже въ жалкомъ положеніи. Во многихъ эстскихъ и латышскихъ церквахъ всѣ церковныя пѣснопѣнія извѣстнаго разряда пѣлись на одинъ который либо простѣйшій по конструкціи гласъ, наприм. всѣ стихиры на гласъ 3-й Кіевскаго роспѣва, тропари на гласъ 4-й обычнаго напѣва, ирмосы на малоупотребительный напѣвъ 2-го гласа; въ нѣкоторыхъ церквахъ большая часть пѣснопѣній не пѣлась, а читалась; въ иныхъ слышались еще лютеранскіе гимны, привычныя пѣвцамъ и народу до ихъ обращенія въ православіе. Съ переходомъ въ православіе общенародное пѣніе въ храмѣ обыкновенно прекращалось. Таково прошлое православнаго церковно-пѣвческаго искусства въ краѣ; инославнымъ подававшее поводъ къ нареканіямъ на православную церковь, въ праславныхъ же возбуждавшее скорбь о столь низкомъ состояніи церковнаго благолѣпія.

Однакоже, не смотря на всѣ неблагопріятныя для церковнаго пѣнія обстоятельства, способность, любовь и нѣкоторая привычка къ пѣнію мѣстныхъ обитателей очевидны для всякаго, отдѣльные дѣятели по церковному пѣнію были и существуютъ,

*) См. „Риж Епарх. Вѣд.“ 1888 г. № 24, стр 768—770.

постепенные успѣхи какъ ихъ, такъ вообще православнаго клира и народа въ этомъ искусствѣ несомненны. Народная пѣсня не замерла въ устахъ народа, а слышится и въ домахъ, и на поляхъ; въ народныхъ кружкахъ и клубахъ; игра на музыкальныхъ инструментахъ, особенно на смычковыхъ, здѣсь развита между всѣми классами не только городскихъ но и сельскихъ общинъ. Общества „Баянъ“ въ г. Ригѣ и „Гусли“ въ г. Ревелѣ суть первыя пѣвческія общества въ Россіи. Общій съѣздъ латышскихъ музыкальныхъ обществъ въ 1873 г. доказалъ, что музыкальное образованіе въ мѣстномъ населеніи также распространено, какъ и между нѣмцами. „Всякій городъ, почти *всякое мѣстечко* края... имѣеть свой *пѣвческій союзъ*.“ *) А это обстоятельство служитъ ручательствомъ того, что здѣсь есть музыкальныя познанія и силы, которыя могутъ быть обращены и на церковно-вокальную музыку.

По временамъ и мѣстамъ, дѣятельностію частныхъ лицъ, сиды эти и дѣйствительно прилагались къ церковному пѣнію. Къ числу отдѣльныхъ лицъ, любителей и устроителей здѣсь православнаго церковнаго пѣнія, имѣвшихъ вліяніе на окружающую ихъ среду, должно причислить на прим. бывшаго о. ректора здѣшней духовной семинаріи, впоследствии Архіепископа Херсонскаго и Одесскаго Никанора (+ 1890 г.). По его настоянію и подъ личнымъ его наблюденіемъ, безъ штатнаго учителя пѣнія и внѣ класснаго времени, происходили въ семинаріи регулярныя и обязательныя для всѣхъ воспитанниковъ спѣвки съ цѣлію изученія богослужебныхъ пѣснопѣній и напѣвовъ; при чемъ воспитанники обязаны были списывать богослужебныя пѣснопѣнія, на примѣръ стихиры, въ особыя тетради, по которымъ и пѣли они на спѣвкахъ и въ церкви. Пѣснопѣнія эти были размѣчаемы для пѣнія самимъ о. ректоромъ, который снабжалъ ихъ раздѣлительными знаками и удареніями. Всѣмъ воспитывавшимся тогда въ семинаріи донынѣ памятно это время. Оно было не легко по новости предмета занятій и по строгости

*) См. „О музыкальномъ образованіи народа въ Россіи и Западной Европѣ“. С. И. Миропольскаго. Изд. 2-е. Спб. 1882 г., стр. 71—77.

дисциплины, но за то многоплодно. Мѣра эта возвысила тогда церковное пѣніе въ духовной семинаріи и въ послѣдствіи доставиваа епархіи нѣсколько любителей и знатоковъ церковнаго пѣнія, которые и являются въ настоящее время лучшими дѣятелями въ краѣ по устроению благолѣпнаго богослуженія въ храмахъ и надлежащаго церковнаго пѣнія. Другимъ любителемъ и знатокомъ церковнаго пѣнія былъ ректоръ той же семинаріи изъ латышей, протоіерей Михаилъ Михайловичъ Дрекслеръ (+ 1885 г.), бывший нѣкогда пѣвцомъ въ студенческомъ хорѣ Моск. Дух. Академіи. Около него сгруппировался кружокъ пѣвцовъ изъ преподавателей семинаріи, которые могли прекрасно исполнять церковные напѣвы, какъ показалъ опытъ пѣнія ими литургіи, совершенной преосвященнымъ Веніаминомъ въ Алексѣевской церкви. Въ той же Алексѣевской церкви восемь лѣтъ тому назадъ составилъ кружокъ любителей церковнаго пѣнія изъ прихожанъ этой церкви, преимущественно лицъ торговыхъ, которые донинѣ лично участвуютъ въ клиросномъ пѣніи, принимая на себя и все издержки по содержанію церковнаго хора. По временамъ и въ хорѣ рижской дух. семинаріи появлялись знающіе свое дѣло регенты, подъ руководствомъ которыхъ хоръ этотъ достигалъ замѣтныхъ успѣховъ въ пѣніи, такъ что обращалъ на себя общее вниманіе рижскихъ гражданъ. Особенно это должно сказать о томъ времени, когда хоръ этотъ состоялъ изъ воспитанниковъ дух. семинаріи и дух. училища и, за неимѣніемъ семинаріею домовою церкви, пѣлъ въ церкви Благовѣщенской (иначе Николаевской). И въ настоящее время число дѣятелей по церковному пѣнію въ краѣ не уменьшается, а еще болѣе увеличивается. Они главнымъ образомъ принадлежатъ къ штату мѣстныхъ священнослужителей и по большей части къ числу бывшихъ воспитанниковъ Высокопреосвященнѣйшаго Никанора. Они руководятъ псаломщиками, устрояютъ въ своихъ приходскихъ церквахъ хоры пѣвцовъ, вводятъ общенародное пѣніе при богослуженіи, приобретаютъ пѣвческія книги, дѣлаютъ опыты примѣненія церковныхъ напѣвовъ къ мѣстнымъ текстамъ и проч.

Благодаря этимъ и другимъ немалочисленнымъ труженикамъ на нивѣ Христовой, церковное пѣніе не только по временамъ

и по мѣстамъ поднималось до уровня высокаго церковнаго искусства, но и вообще улучшилось въ большей части приходскихъ церквей края. Теперь не въ одномъ какомъ либо отдѣльномъ приходѣ, а во многихъ мѣстахъ, тамъ, гдѣ прежде слышался только голосъ чтеца, или гдѣ всѣ пѣснопѣнія пѣлись на одинъ гласъ, слышится полное церковное *осмолагіе*, при томъ разныхъ общепринятыхъ въ Русской Церкви распѣвовъ; во многихъ мѣстахъ имѣются благоустроенные изъ самихъ же прихожанъ хоры пѣвцовъ; во многихъ мѣстахъ происходитъ всенародное богослужебное пѣніе, не оставляющее желать ничего лучшаго Пѣніе лютеранскихъ гимновъ, бывшее въ употребленіи у православныхъ не только въ домашнемъ быту, но иногда и при богослуженіи (наприм. вмѣсто причастнаго стиха и при погребеніяхъ), нынѣ вывелось. Вообще, по наблюденіямъ нашего Архипастыря, Преосвященнѣйшаго Рижскаго и Митавскаго Арсенія, столь неутомимо обозрѣвающаго ввѣренную ему епархію, нынѣ „церковное пѣніе вездѣ въ удовлетворительномъ состояніи, а во многихъ мѣстахъ и въ весьма хорошемъ“. *)

Чего же недостаетъ для полнаго успѣха искусства церковнаго пѣнія въ краѣ? Недостаетъ единства въ дѣйствіяхъ, надлежащаго руководительства, достаточныхъ средствъ къ постановкѣ церковнаго пѣнія въ лучшемъ видѣ, вообще правильной организациі дѣла, необходимой какъ для обезпеченія успѣха, такъ и для предупрежденія возможныхъ, но не желательныхъ узкихъ направленій или уклоненій съ прямого пути въ сторону. А эту задачу и должно принять на себя новоучреждаемое Общество любителей православнаго церковнаго пѣнія. Оно должно объединить и сплотить разрозненные теперь силы отдѣльныхъ дѣятелей, указать болѣе надежныя и чистыя источники церковнаго пѣнія, чѣмъ устное преданіе, показать живые художественные образцы разныхъ видовъ церковнаго пѣнія— одиночнаго, хорового и всенароднаго, приготовить руководителей этими видами пѣнія, составить методическія руководства къ изученію пѣнія и хорошіе

*) Церк. Вѣд. за 1891 г. № 29, стр. 971. „Къ положенію православія въ Лифляндской и Эстляндской губерніяхъ“.

пѣвческіе сборники, разработать, по возможности, теорію (мелодику и ритмику) разныхъ распѣвовъ, улучшить приемы пѣнія, развить въ населеніи края любовь и вкусъ къ истинно церковному пѣнію и достойно руководить ими; короче, по возможности, стремиться къ удовлетворенію всѣхъ тѣхъ нуждъ по церк. пѣнію, которыя указаны нами выше и какія окажутся. Дружныя дѣйствія совокупныхъ силъ Общества въ этихъ отношеніяхъ могутъ принести гораздо болѣе пользы, чѣмъ самыя усиленные и безкорыстные труды отдѣльныхъ дѣятелей.
